

могут быть доказательствами сохранения первичных корневых морфем в мордовских языках.

Во многих местах работы делается реконструкция форм, анализ путей их развития и т. д., тем не менее нельзя не заметить, что диахронический анализ дается неравномерно. Следовало бы больше внимания уделить происхождению отдельных форм и их развитию на мордовской почве. Подчас описание подменяет собой глубокое исследование. Поэтому было бы целесообразно усилить историческую часть.

В диссертации дана очень широкая характеристика функций отдельных падежей, их распространенности в речи. Но возникает одна теоретическая проблема, которую нельзя было избежать при рассмотрении этого вопроса. Речь идет о разграничении падежей и послеложных конструкций, ведь, как известно, проблема количества падежей нередко решается довольно субъективно, без достаточно убедительных доказательств, в результате падежные формы подчас попадают в разряд послеложных конструкций.

Подробно написан раздел о сложных словах (с. 351 и далее), но здесь автор, нам кажется, выходит за рамки своей темы, и потому в целом хорошо написанный раздел представляется искусственно вставленным. В этом же разделе вызы-

вает сомнение утверждение автора о раздельно оформленных сочетаниях в диалектах (с. 361). Их нужно рассматривать как сложные слова, налицо все соответствующие признаки.

В изложении Д. В. Цыганкина часто употребляется выражение «говоры литературного типа», вместо которого следует употреблять термин: говоры, близкие к диалектной основе литературного языка.

В некоторых местах встречаются неточности. Например, на с. 170 «... когда еще палатальная гармония и гармония по ряду не распространялись на падежные формы» (выделено нами). Разве это не одно и то же?

В главе II (с. 179—194) пространно рассматривается употребляемость отдельных фонем на границах морфем. Вряд ли имело смысл затрагивать этот вопрос в работе, посвященной морфологической характеристике. Другое дело, если бы речь шла об историческом развитии основ, тут это было бы не только уместно, но значительно выиграла бы вся работа.

Однако отмеченные недостатки не носят принципиального характера и не влияют на общие выводы и результаты исследования. Работа Д. В. Цыганкина имеет большое теоретическое и практическое значение.

И. Г. ИВАНОВ (Йошкар-Ола)

<https://doi.org/10.3176/lu.1979.2.12>

М. З. Илькинова, Обособленные второстепенные члены предложения в современных мордовских (мокшанском и эрзянском) языках. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Саранск 1976.

Кандидатская диссертация М. З. Илькиновой (научным руководителем был ныне покойный профессор М. Н. Коляденков) защищена 19 сентября 1977 года в Тартуском государственном университете (см. также рецензию М. Д. Имайкиной — СФУ XIV 1978, с. 220—223).

1. В рецензируемой работе рассматриваются следующие явления мордовских языков.

а) Употребление определений (включая причастные группы) в некоторых

предложениях не перед, а после определяемого слова, причем между определяемым словом и препозитивным определением ставится запятая; например: мокш. *Тусь пизем, оцю и вишке* 'Пошел дождь, крупный и сильный' (с. 19); ср. «обычное» *Тусь оцю и вишке пизем* — с препозитивным определением. Но на деле встречаются и редкие случаи, где определение стоит после определяемого и запятые не используются; например, эрз. *Тейтерне вирьстэ цецят мазыйтть коч-*

касть 'Девушки в лесу цветы красивые собрали' (Н. С. Алямкин, Порядок слов в простом повествовательном предложении мордовских языков. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Саранск 1978, с. 14).

б) Конструкции типа мокш. *Чистай, марожфтома, кишсь Лукань шабанзонды ульсь кати-мезькс* 'Чистый, без лебеды, хлеб для детей Луки был чем-то особенным' (с. 32); ср. без запятой: *Чистай, марожфтома кишсь...*

в) Конструкции типа эрз. *Човине ды шождыне, сон ливтнезь ливтнесь* 'Тоненькая и легкая, она будто летала' (с. 32). Конструкции типа б) и в) автором характеризуются как обособленные препозитивные определения. С точки зрения традиций изучения прибалтийско-финских языков можно задать вопрос, не являются ли конструкции типа в), а тем самым, может быть, и б) скорее обстоятельствами? Или же: не имеем ли мы здесь дело со своего рода абсолютными конструкциями?

г) Приложения, особенно поскольку они при постпозитивном употреблении отделяются запятой от предшествующего определяемого слова; например: мокш. *..синь тузь Врьгазов Ефимонь, Ванянь шятянц* '...они привели Врьгазова Ефима, дедушку Вани' (с. 26); ср. препозитивное приложение без запятой: мокш. *Работай атысь кузнецокс «Богатырь» колхозса...* 'Работает старик кузнецом в колхозе «Богатырь»' (с. 23).

д) Конструкции с послелогами *башка* 'кроме', *ряцок* 'наряду', *земс, вастс, таркас* 'вместо', поскольку они отделены запятыми от остальных частей предложения; например: мокш. *Фтала комнатаса, Захарычта башка, ульсь ниле-ветеломань* 'В задней комнате, кроме Захарыча, было четыре-пять человек' (с. 74); ср. без запятой: мокш. *колхозникне трудошис коре получасть сёрода башка ярмак* 'колхозники на трудодни получили кроме хлеба деньги' (Мокшанскорусский словарь, Москва 1951, с. 232). Следуя, по-видимому, традициям русской грамматики, М. З. Илькинова называет такие конструкции (обособленными) дополнениями; с точки зрения лингвистических традиций, связанных с прибалтийско-финскими языками, они являются

обстоятельствами (ср., например, К. Mihkla, L. Rannut, E. Riikoja, A. Admann, *Eesti keele lauseõpetuse põhiõnend I. Lihtlause*, Tallinn 1974, с. 231).

е) Употребление в предложении более одного обстоятельства при глаголе-сказуемом, отделенных запятыми как друг от друга, так и от остальных частей предложения; например: эрз. *Снимкаты вакссо, рамкинессэ, ульнесь статейка...* 'Рядом с фотографией, в рамке, была статейка...' (с. 116); ср. без запятой: эрз. *Сынст марто вейсэ теке жо столонть экшсэ ульнесь нилеце бригадань прятвось...* (В. Коломасов, Лавгинов, Саранск 1956, с. 20) 'Вместе с ними за этим же столом был бригадир четвертой бригады...'

ж) Деепричастные конструкции, особенно поскольку они отделены запятой от остальных частей предложения; например: мокш. *Тядязень лангс ванозь, аварьгодонь монга* 'Глядя на мать, заплакал и я' (с. 83); эрз. *Пехотась, танкатнень икельдызь, ёртавьс икелев* 'Пехота, опередив танки, продвинулась вперед' (с. 82—83); ср. без запятой: эрз. *Озадо аштезь* удомс, мокш. *Озада ащезь удомс* 'сидя спать (букв. сидя находясь спать)' (М. Н. Коляденков, Грамматика мордовских (эрзянского и мокшанского) языков II. Синтаксис, Саранск 1954, с. 227); эрз. *Нина Ивановна сизезь варшатаь Каткинэнь лангс* 'Нина Ивановна устало (букв. устав) взглянула на Каткина' (с. 88).

з) Сравнительные обороты, поскольку они отделены запятыми от остальных частей предложения; например: эрз. *Классонок увнось, прок мекш кидо* 'Класс (наш) гудел, словно улей' (с. 149); ср. без запятой: эрз. *Кортамось мольсь прок пек малавикс ломанень ютксо* 'Разговор шел словно между очень близкими людьми' (с. 164).

2. С точки зрения традиций грамматик прибалтийско-финских языков объединение всех перечисленных явлений под одним знаменателем — обособленные второстепенные члены предложения — представляется по крайней мере неожиданным. В эстонской грамматической науке отсутствует даже термин, соответствующий термину «обособление».

Возникает вопрос, что именно, какой фактор объединяет все указанные явления в мордовских языках.

Автор утверждает, что «в современных мордовских языках общим условием обособления является ослабление связей между обособленными членами и их определяемыми словами» (с. 15). Но в чем конкретно проявляется это «ослабление связей» и «усиление смысловой роли» (ср. с. 112)? М. З. Илькинова пишет: «Усиление смысловой роли таких второстепенных членов предложения осуществляется при помощи фонологических и синтаксических средств: интонации, паузы, логического ударения, порядка слов» (с. 12). «С точки зрения мелодики обособленный член получает оформление синтагмы» (с. 13; ср. также с. 95). «Таким образом, второстепенный член предложения (один или с зависимыми от него словами), выделенный интонационно, подчеркивающий с особой силой признак, свойство предмета или лица для усиления их смысловой роли в предложении, образует обособленную конструкцию» (с. 13).

3. На наш взгляд, здесь уже начинаются трудности. По мнению М. З. Илькиновой, «как в устной, так и письменной речи в зависимости от определенных намерений автора второстепенные члены предложения произносятся обособленно» (с. 12). На самом же деле письменная речь не произносится (по крайней мере в прямом смысле этого слова), а пишется. В письменной речи мы непосредственно имеем дело не с интонацией, паузами или логическим ударением, а с буквами и знаками препинания (это обстоятельство не учитывается во многих грамматиках различных языков).

По словам самой М. З. Илькиновой, основным источником ее работы послужила письменная речь (с. 4); это видно также по всем цитированным языковым примерам.

Соответствие между фоносинтаксическими явлениями устной речи и знаками препинания письменной речи не является соответствием «взаимно-однозначным». Иллюстрациями этого факта могут служить хотя бы некоторые из мордовских предложений, приведенных рецензентом в пунктах 1д—1з.

Более того, в диссертации утверждается: «Явление обособления в основном

свойственно для стилей художественной и научной литературы» (с. 4), т. е. для письменной речи. М. Н. Коляденков выражается еще категоричнее: «Как новое качество, обособленные второстепенные члены предложения являются принадлежностью книжного языка, преимущественно языка художественной литературы» (М. Н. Коляденков, указ. раб., с. 234).

Если это действительно так, то вес фонологических критериев при объединении всех перечисленных в начале рецензии явлений в мордовских языках оказывается не совсем ясным.

М. Н. Коляденков справедливо указывает на влияние русского языка при постепенном становлении «новой области синтаксиса» мордовских языков (М. Н. Коляденков, указ. раб., с. 234), а М. З. Илькинова о влиянии русского языка вообще не говорит.

Мы не отрицаем, что концепция обособленных второстепенных членов предложения в мордовских языках может иметь рациональное зерно. Однако (с точки зрения мордовских языков) это понятие требует более глубокого теоретического обоснования. Если учитываются и фонологические критерии, то без изучения реальных фактов устной речи и без четкого разграничения письменной и устной речи не обойтись. В противном случае может создаться впечатление, что концепция обособленных второстепенных членов предложения в мордовских языках сводится к влиянию употребления знаков препинания в русском языке на употребление их в мордовских языках.

4. Как уже сказано, по мнению М. З. Илькиновой, «ослабление связей между обособленными членами и их определяемыми словами» (с. 15), «усиление смысловой роли таких второстепенных членов предложения» (с. 12) осуществляется при помощи не только фонологических, но и синтаксических средств (с. 12). Кроме рассмотренных выше фоносинтаксических средств, речь может идти прежде всего о порядке слов в предложении. «Второстепенный член, подвергшийся обособлению, меняет свое обычное место в предложении, связывается с ним обратным порядком слов» (с. 12). Правда, встречаются ясные случаи обратного порядка слов (напр. 1а, 1г). Но читателю очевидно, что говорить

об «обратном порядке» слов можно лишь в связи с некоторыми, но не со всеми типами обособленных второстепенных членов предложения, выдвинутых М. З. Илькиной.

В некоторых случаях, где встречается колебание порядка слов, вообще не легко сказать (и в работе не сказано), какой порядок слов является «обратным» и какой нет (напр. 1д, 1е, 1ж, 1з). В связи с обособленными дополнениями (1д) и сравнительными оборотами (1з) и М. З. Илькина отмечает, что они «в предложении занимают любое место» (с. 81; ср. с. 155 и сл.). А случаи типа 1в?

«...независимо от желания автора, нельзя обособить определение, если не изменить его обычного места в предложении» (с. 14). Но ср. 1б! С другой стороны, можно найти редкие случаи, где определение стоит за определяемым словом, но не обособляется (1а).

5. Упомянутые во «Введении» (с. 15) и в «Выводах» (с. 165, 170—171) мимоходом «синтаксическая несочетаемость членов предложения в необособленном виде» и «степень распространенности члена предложения зависимыми словами» (ср. также с. 17) характеризуются автором не как общие, а как «частные условия обособления» и не являются универсальными для всех случаев обособления.

Понятие «синтаксической несочетаемости членов предложения в необособленном виде» в работе не уточняется и в основной части практически не используется. «Несочетаемость» в условиях сохранения данного порядка слов могла бы быть иллюстрирована примерами из 1а (но ср. последний абзац 4), 1в, 1г и, может быть, 1ж. Примером синтаксической несочетаемости членов предложения даже при изменении порядка слов мог бы служить 1в.

6. Роль «степени распространенности члена предложения зависимыми словами» при обособлении могли бы иллюстрировать случаи типа 1ж и, может быть, 1з, но в соответствующих разделах основной части работы упомянутое понятие обойдено. Ср. также 1а и последний абзац 4.

7. По-видимому, говоря об обособлении второстепенных членов предложения (или же об употреблении запятой в рассматриваемых областях синтаксиса), автор имеет в виду несколько различных типов явлений, встречаемых в различных син-

таксических конструкциях и образующих своего рода шкалу обособления, где границы между отдельными типами не совсем четки:

а) факультативное обособление или же

б) обособление, связанное со стилистическими намерениями автора (или редактора!; ср. с. 20);

в) обособление, при котором смысл предложения изменяется;

г) обособление, которое при данной структуре предложения в большей или меньшей мере является необходимостью.

7.1. Правда, типы 7а и 7б упоминаются в некоторых разделах работы (напр. с. 13; с. 32, ср. выше в нашей рецензии 1б; с. 36, ср. выше 1г; с. 163, ср. выше 1з). Но они не упоминаются или же не приводятся ясные параллельные формы, указывающие на факультативность или стилистический характер обособления, в других разделах, где это было бы уместно (с. 73—82, ср. выше 1д; с. 89—138, ср. выше 1е, 1ж).

В работе встречаются пары структурно одинаковых предложений, из которых одно содержит обособление, а другое нет, причем указание на факультативность отсутствует. Например: *моксх. экскурсияста сама т а ученикне кайгиста корхтасть семботь колга* 'Возвращаясь об экскурсин, ученики громко говорили обо всем' (с. 88); ср. эрз. *Ки ланго улемстэ, тетязо руль экш озавтнлизе Борянь а весть* 'Находясь на дороге, отец не раз сажал Борю за руль' (с. 135).

В некоторых случаях предложение с обособлением и предложение без обособления взаимозаменяемы при условии замены порядка слов (1а, 1г, многие предложения с обособленными обстоятельствами), а может быть, и при условии замены формы указательного склонения формой основного склонения.

С другой стороны, иногда два или более обстоятельств или определений относятся к одному и тому же определяемому, связаны между собой сочинительной (соподчинительной) связью и отделены друг от друга запятой, причем при перестановке таких обстоятельств или определений смысл предложения существенно не меняется. Например: эрз. *Катя бажась ломань ютка, рабочеень коллективс* 'Катя стремилась к людям, в коллектив рабочих' (с. 119) и *Катя*

бажась рабочеень коллективс, ломань юткс; ср. также: мокш. *Пашунясь тусь алянц шири, Игарка в 'Пашенька уехал к отцу, в Игарку' (с. 121) и Пашунясь тусь Игаркав, алянц шири*. Исключено ли: *Пашунясь тусь Игаркав алянц шири?*

7.2. Наш тип обособления 7в, по-видимому, в диссертации вообще непосредственно не учитывается. Тем не менее возникает вопрос, не встречаются ли случаи, где смысл предложения с обособлением отличается от смысла предложения без обособления; например: эрз. *Снимать ваксо, рамкинесь, ульнесь статейка...* 'Рядом с фотографией, в рамке, была статейка...' (с. 116 (1e)); ср. *Снимать ваксо рамкинесь ульнесь статейка* 'В рамке, которая находилась рядом с фотографией, была статейка'; эрз. *Те тевенть тейсть кувать, кедьсэ ды коймсэ* 'Это дело делали долго, руками и лопатой' (с. 99); эрз. *Нармуненть велькса, сэнеждиця пельтнень юткова, ливтясь те раназь лебеденть ялгасо* 'Над птицей, между синеющими облаками, летела подруга этого раненого лебедя' (с. 116).

7.3. Встречаются случаи, где с грамматической точки зрения (или же: с орфографической!) при данной структуре предложения обособление (или же: употребление запятой!) является в большей или меньшей мере неизбежной необходимостью, например: мокш. ... *сонь мельганза ульсь сембе комитетсь, кемоньшка аля и кемоньшка ава* '... за ним (вышел) весь комитет, около десяти мужчин и десяти женщин' (с. 31).

Правда, в связи с трактовкой приложений М. З. Илькинова отмечает: «Приложения при личных, указательных и некоторых определительных местоимениях... употребляются только в обособленном виде» (с. 47). Но в приведенном выше примере определяемым словом (*комитетсь*) не является местоимение (см. также примеры на с. 50, 116).

8. Позволим себе сделать еще несколько замечаний.

Соотношение обособленных конструкций с присоединительными упоминается, без иллюстраций, только в «Выводах» (с. 171).

Не совсем ясна граница между определением и приложением. Например, в диссертации, по-видимому, следуя Коляденкову, в следующих предложениях выделенные нами слова считаются не при-

ложениями (ср., напр. К. Mihkla, L. Rapput, E. Riikoja, A. Admann, указ. раб., с. 375 и 377), а определениями: мокш. *А сон, сюдофсь, зйндакинесь, кемоньшка аля и кемоньшка ава* (7.3).

В предложении эрз. *Вача иестэнтъ, комськавтовоцестэнтъ, туинь Кубанев...* 'В голодный год, в двадцать втором, (я) уехал на Кубань...' (с. 113) мы считаем слово *комськавтовоцестэнтъ* не обстоятельством, а определением (ср. К. Mihkla, L. Rapput, E. Riikoja, A. Admann, указ. раб., с. 254 и сл.). 9. Работа М. З. Илькиновой содержит много ценного нового материала, который хорошо систематизирован (хотя местами встречаются повторы, ср., напр., § 1 и 3, § 2 и 4).

В работе подробно освещены многие разделы синтаксической структуры мордовских языков, некоторые вопросы анализируются вообще впервые в мордовском языкознании. Автор правильно подчеркивает, что обособленные члены предложения носят «добавочную предикативность» (с. 20).

Нов и подробный анализ способов выражения приложений (с. 33 и сл.), в том числе случаев с более чем одним приложением (с. 44 и сл.), причем правильно подчеркивается, что приложением может выступать не только существительное, но и прилагательное, числительное и причастие (с. 37 и сл.).

Анализ способов выражения определяемых слов также содержит много нового (с. 46 и сл.). Интерес представляют случаи, где между определяемым словом и соответствующим обособленным членом предложения появляются другие слова (напр. с. 35, 171). Автор указывает, что в мокшанском языке причастие настоящего времени обособлению не подвергается (с. 66).

Весьма детален анализ обособленных обстоятельств (с. 82—164). М. З. Илькинова показывает, что они делятся на «обособленные обстоятельства, относящиеся только к сказуемому» (с. 82), и на «обособленные обстоятельства с уточняющим значением», которые «одновременно поясняют сказуемое предложения и уточняют значение предшествующего обстоятельства» (с. 89). Тщательно рас-

смотрены типы и употребление сравнительного оборота (с. 138—164), которые «занимают промежуточное положение между второстепенными членами и придаточными предложениями» (с. 141).

В работе подчеркивается, что обособленные члены предложения большей

частью встречаются в распространенном виде (напр. с. 171). Систематически анализируются возможности преобразования обособленной конструкции в придаточную часть сложного предложения (с. 67—73, 133—138).

ВАЛМЕН ХАЛЛАП (Таллин)

Г. Н. Валитов, Подлежащее в марийском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тарту 1978.

13 октября 1978 года на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук в Тартуском государственном университете состоялась защита кандидатской диссертации Г. Н. Валитовым на тему «Подлежащее в марийском языке». Работа подготовлена под руководством профессора Тартуского государственного университета П. Аристэ. Официальными оппонентами выступили на защите доктор филологических наук И. Г. Иванов (Йошкар-Ола) и кандидат филологических наук П. Кокла (Таллин).

Синтаксис — наиболее сложный раздел языкознания — в финно-угорских языках исследован недостаточно. Особенности затруднения вызывает изучение структуры предложения финно-угорских языков в историческом плане. Похвально, что молодой марийский языковед Георгий Валитов обратился именно к синтаксису. В работе он справедливо указывает на отсутствие специальных трудов о подлежащем в финно-угорских языках. Выбор Г. Н. Валитовым темы всячески обоснован — проблемы синтаксиса марийского языка нуждаются в разработке. Похвально, что предметом монографического исследования избран главный член предложения — подлежащее. Остается пожелать, чтобы в ближайшем будущем были подвергнуты анализу и другие основные члены предложения.

Цель работы Г. Н. Валитова — выявление сущности подлежащего в марийском языке, определение его функции и места по отношению к другим членам предложения, установление частей речи, выступающих в функции подлежащего, и их грамматических форм.

Исследование способствует дальнейшей разработке теоретических аспектов марийского синтаксиса. Его результаты могут быть практически использованы при создании научной грамматики марийского языка. Достоверный материал и выводы послужат основой для школьных и вузовских учебников и других языковых справочников.

Материалом для исследования послужил язык современной марийской художественной и публицистической литературы, проработаны десятки книг и журналов. В основном использован литературный язык, но в некоторой степени также диалектологический материал, собранный автором.

Г. Н. Валитов в своей работе пользовался методом синхронного анализа. В необходимых случаях применялся и сравнительно-исторический метод (например, в связи с деепричастными конструкциями, с. 47 и далее). Заслуживает одобрения привлечение сопоставлений с родственными, индоевропейскими и тюркскими языками.

Объем работы — 188 машинописных страниц, она состоит из введения, двух глав и заключения. Приложение (13 с.) включает списки сокращений, использованной литературы и цитированных художественных произведений.

Во введении (на 9 с.) дается критический обзор трудов, затрагивающих вопрос о подлежащем марийского языка. Марийские грамматики, а также отдельные статьи по синтаксису содержат определенные описания подлежащего, хотя специальных исследований о нем до настоящего времени не было. К этим описаниям Г. Н. Валитов подходит критически. Осо-